

УДК 904

ХРОНОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БОСПОРА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА – РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2016 г.

А.А. Супренков

Институт археологии Российской академии наук, Москва

suprenkov@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

Представлены результаты работы группы исследователей по теме «Хронология и эволюция сельских поселений Боспора эпохи эллинизма – римского времени». Рассматриваются несколько известных поселений указанной эпохи, расположенных на территории Восточного Крыма, Таманского и Фонталовского полуостровов. Проведён анализ изменений жизнедеятельности на этих поселениях с учётом новейших датировок археологического материала, а также данных полевых работ за последние годы, в том числе проведенных автором. Сделана попытка выявить общность и синхронность процессов, имеющих место на сельской территории Боспора, в контексте исторических событий на поселениях разного типа, датировки и географического положения. В статье, в частности, вводятся в научный оборот новые, ранее не опубликованные материалы исследований в Восточном Крыму.

Ключевые слова: Боспорское царство, эллинизм, римское время, археологические исследования, хронология, сельские поселения.

Изучение сельских поселений Боспорского царства является одним из перспективных направлений в современной отечественной античной археологии. В древних письменных источниках сведения о сельской территории Боспора весьма кратки и фрагментарны. При этом, как известно, экономика этого государства напрямую зависела от его «хоры», и поселения являются важным археологическим источником.

Данная работа представляет собой попытку сравнения хронологии и процессов эволюции на нескольких поселениях боспорской хоры в эпоху эллинизма – римского времени. Рассматриваемые памятники относятся к разным хронологическим периодам и типам и расположены в трёх регионах – в Восточном Крыму, на Таманском и Фонталовском полуостровах. Сразу оговоримся, что мы не претендуем на подробное освещение масштабной проблемы сравнительного анализа сельских поселений Боспора в заявленных широких хронологических рамках. Наша работа представляет собой опыт сравнения процессов, происходивших на нескольких поселениях, исследованных в последнее время, в том числе и с участием автора.

Все рассматриваемые памятники известны довольно давно. Тем не менее в результате новейших археологических работ, а также анализа археологического материала с учётом современных требований, методик и датировок мы постараемся дополнить сведения о них, причём в контексте общеисторических процессов на Боспоре.

Согласно традиционной точке зрения, на IV – начало III в. до н.э. пришёлся период наивысшего подъёма экономики и культуры Боспора [1, с. 49]. Это было связано с различными политическими и экономическими факторами, важнейшим из которых был расцвет хлебной торговли с Афинами. Экспорт хлеба обеспечивался обустройством сельской территории и организацией сельскохозяйственного производства [2, с. 75; 3, с. 42–43]. Археологическая картина на многих исследованных в последнее время поселениях Боспора хорошо иллюстрирует этот тезис.

Начнём наш обзор с поселения **Тамань 1** – одного из крупнейших сельских памятников Азиатского Боспора. Он расположен в южной прибрежной части Таманского полуострова возле бывшего хутора Кротенко, в 6 км к юго-западу от античной Гермонассы. Поселение имеет широкую датировку – VI в. до н.э. – III в. н.э., которая включает и рассматриваемый нами период. Оно было известно, вероятно, ещё с начала XX в. Тогда у хутора Кротенко директор Керченского музея В.В. Шкорпил проводил раскопки некрополя, однако в его отчёте нет точной географической привязки. Известно только, что параллельно с работами у хутора исследовался некрополь и у мыса Тузла. На обоих присутствовал материал VI–III вв. до н.э., и исследователь полагал, что они могли использоваться жителями какого-то одного поселения, уничтоженного впоследствии морем [4, с. 1–3].

Современник Шкорпила В.В. Соколов на карте окрестностей Тамани, составленной в 1915 г., обозначил территорию у хутора Кротенко как «городище IX вместе с древним кладбищем 3». При этом по поводу поселения он отмечал, что оно совершенно не исследовано и обнаружено случайно при распашке [5, с. 40–49]. Этот памятник отображён и на картах исследователей первой половины прошлого века. У С.Ф. Войцеховского он входит в область, указанную как «следы античной культуры 48», а на карте А.А. Миллера здесь же указано поселение под номером 10. В первой половине 50-х годов на некрополе возле хутора Кротенко проводились небольшие раскопки под руководством В.Д. Блаватского. Им было исследовано 13 погребений, датированных: VI в. до н.э. – первыми веками н.э. [6, с. 121]. К северу-востоку от раскопов на некрополе был обнаружен культурный слой древнего поселения, где были заложены три раскопа общей площадью 218 кв. м. В результате были открыты культурные напластования VI в. до н.э. – IV в. н.э. и различные строительные остатки. В.Д. Блаватский предположил, что обитатели этого поселения занимались сельским хозяйством и обработкой его продуктов. Наличие большого количества импортной амфорной тары свидетельствовало о торговых связях, осуществлявшихся, возможно, через соседнюю Гермонассу [6, с. 118–130]. Автор присвоил данному памятнику название «Пятиколодезное».

В 80-х гг. XX века на этом объекте работал научный сотрудник ИА РАН Я.М. Паромов. На основании данных аэрофотосъёмки и сбора подъёмного материала он впервые установил его примерные границы: 1000 × 750 м при площади около 44 га. Мощность культурного слоя, прослеженного в береговых обнажениях, достигала 1.5 м. На аэрофотосъёмке выделялись «области плотной застройки». Я.М. Паромов датировал памятник VI в. до н.э. – III в. н.э. и, в соответствии с правилами номенклатуры объектов археологии, присвоил ему название «Тамань 1», которого мы и будем придерживаться [7, с. 421–425].

В начале текущего века работы на поселении были продолжены также научным сотрудником ИА РАН Ю.В. Горловым и коллегами. Исследователи использовали некоторые естественнонаучные методы. Вновь проанализировав данные аэрофотосъёмки, они пришли к выводу, что участок к западу от поселения представляет собой остатки следов землеустройства сельской округи небольшого боспорского городка. По их мнению, это был самостоятельный центр, имеющий функции, свойственные городу уже

на начальном этапе освоения полуострова. Общий размер размежеванной территории составлял около 200 га. Межевание это имело радиально-концентрическую схему. Реконструкция его конфигурации указывала на то, что основания образующих «лучей» находятся в настоящий момент в Чёрном море, на расстоянии около 0.5 км от береговой линии. Это вроде бы не противоречит данным геоморфологии, согласно которым с античного времени береговая абразия уничтожила от 0.5 до 0.9 км побережья [8, с. 70–72]. Среди новейших работ в этом районе следует отметить разведки Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН под руководством Н.И. Сударева и С.В. Кашаева (ИИМК РАН), проведённые в 2010 г. По их результатам была уточнена южная и восточная граница поселения.

В 2011 г. отрядом ИА РАН под руководством автора на поселении была проведена охранный археологическая разведка. Её целью было избежать повреждения памятника при строительстве сухогрузного порта Тамань на стадии его проектирования. С целью определения мест скопления подъёмного материала, мощности и насыщенности культурного слоя и возможного расположения археологических объектов на поселении был произведён сбор подъёмного материала, осуществлена шурфовка и постановка зачисток. Всего было заложено около 50 шурфов и 50 зачисток, в основном на бортах большой хозяйственной траншеи, выкопанной незадолго до этого и пересекающей поселение с запада на восток. В результате были выявлены зоны концентрации находок, располагавшиеся в основном в юго-западной части поселения, приближённой к морскому побережью и большой балке, ограничивающей его с юга. Отдельные «очаги» концентрации материала встречались и севернее. Были сделаны некоторые предположения об эволюции поселения, о которых мы скажем ниже. Интересны были и статистические выводы относительно хронологического распределения подъёмного материала [9, с. 419–440]. При этом за основу хронологической периодизации нами был взят принцип, предложенный А.П. Абрамовым [10, с. 4]. Кратко, остановив внимание на интересующем нас периоде, они следующие.

Архаический период (до конца VI в. до н.э.) был представлен довольно скромно и составлял только 2.8% от общего числа датированных фрагментов (датировки керамики Г.А. Ломтадзе). Они были зафиксированы в основном в западной, прибрежной части поселения, где было исследовано и несколько археологических объектов с соответствующими по времени находками. Среди них встречались фрагменты амфор

на сложнопрофилированном, кольцевом поддоне, милетских амфор, стенка тонкостенной амфоры с полосой коричневой краски, ручка хиосской амфоры раннего типа и фрагмент коричневоглиняной тарелки.

Материал классического периода – конца VI–V вв. до н.э. был существенно представительнее. Он более или менее равномерно отмечен на всей территории поселения и составлял почти треть всех находок (31.8%). К ним относились фрагменты чернолаковых, в том числе чёрнофигурных аттических киликов, а также обломки импортных амфор из Хиоса (30 профилированных фрагментов), Лесбоса (34 фрагмента), Фасоса (венчик и две ножки амфор «круга Фасоса») и типов амфор на сложнопрофилированном, кольцевом поддоне (27 фрагментов).

Находки интересующего нас периода (IV–первой половины III в. до н.э.) встречались также повсеместно и были наиболее многочисленными, составляя около половины (46.2%) от общего числа. Нумизматические материалы были представлены медными пантикапейскими монетами. Среди них: тетрахалк и дихалк 314–310 гг. до н.э. (Анохин № 111–112), тетрахалк 294–284 гг. до н.э. [11, № 125], два гемихалка 284–275 гг. до н.э. [11, № 132] и тринадцать оболков 275–245 гг. до н.э. [11, № 133] (определения монет Д.В. Полуна). Фрагментов чернолаковой посуды немного. Отметим донце и край канфара и стенку аттического краснофигурного сосуда последней четверти V – первой половины IV в. до н.э., с изображением головы лошади. Зато амфорный материал был представлен во множестве традиционными для этого периода центрами. Это 52 профильных фрагмента гераклейских амфор, 23 хиосских, 18 фасосских, 10 пепаретских, 7 мендийских, 5 синопских, а также обломки колхидской и косской амфор. Большое количество обломков столовой и кухонной посуды, не имеющей на сегодняшний день точных датировок, также могло относиться к эллинистическому периоду.

Следующий хронологический период боспорской истории традиционно связывают с правлением царя Перисада II и столь же традиционно – с началом экономического упадка [1, с. 419–440]. Считается, что в области аграрных отношений он характеризуется переходом к каким-то новым формам землевладения, причём зерновое хозяйство перестаёт играть доминирующую роль [2, с. 99]. Тем не менее, как показывают новейшие изыскания, хотя сельские поселения на Азиатском Боспоре переживали не лучшие времена, сама их структура сохранялась, как и связь с полисной системой землевладения [12, с. 94].

На рассматриваемом поселении Тамань I действительно в эту эпоху резко сокращается число находок. Материал второй половины III – начала I в. до н.э. составляет всего 7.6%. Встреченные медные пантикапейские монеты представлены двумя тетрахалками 230–220 гг. до н.э. [11, № 141], двумя тетрахалками 220–210 гг. до н.э. [11, № 147], дихалком 220–201 гг. до н.э. [11, № 146], оболком 150–140 гг. до н.э. [11, № 169] и двумя тетрахалками 125–115 гг. до н.э. [11, № 183]. А вот амфорный бой в целом гораздо скромнее и меньше, чем прежде по числу центров их производства. Найдено всего пять ручек, три венчика и ножка синопских амфор позднего типа, а также две косских ножки и две родосских ручки.

Обратимся теперь к синхронной ситуации с сельскими поселениями на другом берегу Керченского пролива. По всей видимости, она здесь несколько отличалась. Как известно, ко второй трети III в. до н.э. практически все неукрепленные поселения – селища и усадебные комплексы ближней и дальней хоры Европейского Боспора были оставлены их обитателями [3, с. 208]. Вместо них почти сразу же возникают относительно немногочисленные прибрежные укрепленные городища нового типа.

«Классическим» памятником такого рода является городище **Золотое Восточное** (Сююрташ) – крупнейшее из расположенных в Крымском Приазовье. Оно занимает площадь около 2.1 га. Оно было, вероятно, обнаружено в начале 50-ых гг. XX в. разведками В.В. Веселова. Раскопки же на городище проводила в 1955 г. И.Т. Кругликова. Исследовательница датировала памятник концом IV – началом I в. до н.э. [13, с. 137; 2, с. 99]. С 1989 по 1992 г. Восточно-Крымская археологическая экспедиция под руководством А.А. Масленникова раскопала около 2000 кв. м в западной его части. Была открыта мощная каменная оборонительная стена, протяжённостью до 400 м и толщиной 2.1–2.6 м, которая почти повсеместно опоясывала плато, где располагалось городище, проходя над его склонами. Стена была сложена из необработанных известняковых камней, при этом часто использовались очень крупные плиты. Её высота могла достигать 6 м. В плане само городище является не полностью прямоугольным и не имеет сильно выступающих углов, что вполне соответствует античным традициям фортификации. Главные ворота были открыты в его западной части. Их ширина составляла 3.46 м, а дорога к ним снаружи вела под углом. Вероятно, высота ворот могла достигать 5.5 м, они были наверняка двустворчатыми и открывались, как и было принято, вовнутрь. Наиболее же

примечательным элементом оборонительной линии являлись шесть неплохо сохранившихся выступов-бастионов. Один из них располагался слева от ворот. В сущности, они заменяли собой башни. Оборонительная система, вероятно, включала в себя и высокую сопку, расположенную в нескольких сотнях метров к юго-западу от городища. Её осмотр и небольшие раскопки показали, что в значительной части она также была обведена грубой стеной. В целом, система обороны городища соответствовала античным фортификационным традициям того времени, хотя качество кладок и простота архитектурного решения свидетельствовали о невысоком мастерстве её строителей [3, с. 211–216].

Что же касается жилой застройки поселения, то была открыта часть главной улицы, начинавшейся от западных ворот. Её ширина составляла 4–6 м. К ней примыкали дома, состоящие из небольших жилых помещений с каменными ларями и печами, мощёными двориками и хозяйственными ямами. Они образовывали линии кварталов. На городище выделялись два невысоких расплывшихся зольных холма [3, с. 211–216].

Говоря о датировке поселения, А.А. Масленников прежде всего опирался на коллекцию амфорных клейм. Из 243 найденных тогда экземпляров большую часть составляли синопские и родосские клейма. Остальные центры: Гераклея, Книд, Херсонес, Колхида – были представлены единичными экземплярами. Большая часть клейм относились к периоду второй половины III – середины II в. до н.э. Более ранние могли носить случайный характер происхождения. На основании этой информации исследователь предположил, что датой основания поселения следует считать третью четверть III в. до н.э. Другим хронологическим репером служили фрагменты «мегарских» чаш. Известно, что датировка этих импортных сосудов тех типов, которые находили на городище, приходится на период не ранее второй половины III в. до н.э. Местное же производство подражавших им чаш началось в самом конце II в. до н.э. и продолжалось не позднее первой трети I в. до н.э. При этом светлоглиняные амфоры с двустольными ручками, характерные для второй половины I в. до н.э., на поселении отсутствовали. Исходя из этого, А.А. Масленников сделал вывод, что поселение было покинуто не ранее рубежа II–I вв. до н.э., что в целом соответствует и датировке, предложенной И.Т. Кругликовой [3, с. 91–100].

В 2010 г. отрядом ВКАЭ под руководством автора были возобновлены работы на городище Золотое Восточное. Новый раскоп был заложен

в его северо-восточном углу. В настоящее время исследованная площадь достигла 1700 кв. м. В результате работ были открыты строительные остатки, относящиеся к нескольким строительным периодам. Постройки первого периода сохранились только в виде углублённых в материк объектов – хозяйственных ям. Наземные конструкции были, вероятно, сnivelированы застройкой во второй строительный период. В это время на неукреплённой террасе на востоке городища возникло святилище т.н. открытого типа. Оно представляло собой ряд строений в виде огороженных пространств (даже не помещений), а также сочетание отдельных участков вымоств, очагов и хозяйственных ям. Все они располагались к югу от массивной каменной стены с проходом, открытой в первый же год исследований. Протяжённость её (или, точнее, группы стен) составляла около 18 м с запада на восток, высота на отдельных участках превышала 2 м, толщина достигала 2.7 м. Местонахождение этой обособленной и сложной конструкции с трудом позволяет предположить её оборонительное назначение. Свидетельством того, что мы столкнулись здесь с сакральным комплексом, в частности, служат и найденные фрагменты терракотовых статуэток. Одна из них была практически целой и изображала богиню на троне в высоком головном уборе – Кибелу [14, с. 243–248].

В следующий строительный период все эти постройки перекрываются слоем золы. Однако жизнедеятельность на данном участке продолжается и позднее – слои золы прорезаны глубокими ямами, похожими по ряду признаков на зернохранилища.

В течение полевого сезона 2015 г. были частично вскрыты постройки, расположенные к югу от вышеописанных, которые являлись уже обычными жилищами. Таким образом, вероятно, территория святилища была изучена практически полностью.

Ранее нами рассмотрена хронология этих построек [15, с. 386–392; 16, с. 376–397]. Обратимся теперь к общей хронологии поселения с учётом вновь открытой части и соответствующих материалов. Как и ранее, основой для датировок служит коллекция амфорных клейм. За 6 лет новых раскопок количество определяемых Н.Ф. Федосеевым экземпляров составило 153 (по оценке самого исследователя, данные определения клейм носят «рабочий» характер и, возможно, будут уточнены в дальнейшем).

124 клейма (81%) были нанесены на ручки синопских амфор. 28 клейм (18.3%) принадлежат родосским амфорам. Кроме того, было найдено одно херсонесское (0.7%) и одно нечитае-

мое клеймо на горле колхидской амфоры. Обратимся к их датировке. Концом IV в. до н.э. датируется только одно синопское клеймо (0.7%). Первой четвертью III в. до н.э. – 8 экземпляров (5.2%). Во второй четверти столетия их число резко увеличивается до 81 (52.9%). В третьей четверти III в. до н.э. число экземпляров сокращается до 24 (15.7%). К четвертой четверти относятся 22 клейма (14.4%). Первой половиной II в. до н.э. датируются 7 клейм (4.6%), а второй половиной этого столетия – 10 клейм (6.5%). При этом если отдельно рассмотреть хронологическую группу, близкую к середине III столетия (270–240 гг. до н.э.), то к ней относится 95 клейм (62.7%).

Признавая условность наших хронологических построений и то, что на данный момент использован не весь комплекс археологического материала, мы, тем не менее, можем сделать некоторые выводы. Очевидно, что поселение возникло в эпоху Перисада II, скорее всего, ближе к её концу, когда, как мы говорили выше, практически все прежние сельские поселения Европейского Боспора были оставлены. При этом восточная часть городища может иметь несколько более раннюю датировку, чем западная. Судя по всему, неукрепленные постройки здесь просуществовали недолго – из ям четвертого строительного периода, прорезавших зольник, в свою очередь перекрывший святилищные постройки, происходят клейма третьей четверти III в. до н.э., то есть того времени, когда был зафиксирован массовый импорт на западе городища. По-видимому, жители вынуждены были укрыться внутри оборонительного периметра, а бывшее святилище на открытом пространстве стало местом мусорного сброса. Что же касается самых поздних находок (по клеймам), то они здесь датируются 119 г. до н.э., то есть непосредственно предшествуют времени передачи власти Митридату VI и так называемому восстанию Савмака.

Отметим в качестве любопытного факта, не делая никаких выводов, что большая часть клейм из этой части городища (270–240 гг. до н.э.) почти синхронны наибольшему числу эллинистических монет на поселении Тамань I (275–245 гг. до н.э.). Наиболее же поздние даты по родосским клеймам (119 г. до н.э., 150–108 гг. до н.э.) близки самым поздним из найденных там монет (125–115 гг. до н.э.).

О том, что жителям городища Сююрташ пришлось существовать в период экономического упадка, свидетельствует и скромный облик построек. Мощные оборонительные стены соседствуют с крайне скудной и невыразительной жилищной застройкой. Говорит об этом же

и массовый археологический материал. Около 40% всех сосудов на Восточном раскопе представлено лепной посудой, в том числе со следами ремонта (?). Что касается хозяйственной деятельности местного населения, то, по всей видимости, её основой оставалось хлебопашество. Об этом отчасти свидетельствует наличие зерновых ям. Большое же количество костей животных, найденных в золисто-мусорных слоях, говорит о развитом скотоводстве. Среди них было 1862 определяемых кости (определены А.К. Каспаровым). Из них примерно поровну приходится на крупный рогатый скот – 614 штук (33%) и на мелкий – 499 костей (26.8%) козы или овцы; 68 (3.65%) костей козы и 128 (6.9%) овечьих. Костей лошади было найдено 212 (11.4%), костей свиньи – 177 (9.5%). 72 кости (3.9%) принадлежали собакам, а 5 оказались человеческими (0.27%). Охота, по всей видимости, не относилась к приоритетной деятельности жителей: было найдено только 7 костей зайца (0.38%), 2 кости лисы (0.1%) и 9 костей птиц (0.48%). Рыбные же кости (определены Е.Ю. Янишем) представлены более внушительно — 52 (2.79%) определяемых экземпляра. Рыбы представлены пятью видами: осетром, севрюгой, калканом, тунцом, вырезубом, то есть типичными представителями Азовско-Причерноморского региона в рассматриваемую эпоху. Многочисленные рыболовные грузила также говорят о рыбном промысле. Добавим к этому, что в золистых слоях на восточном раскопе во множестве присутствовали раковины мидий.

Таким образом, городище Сююрташ, очевидно, возникло в начальный период упадка экономики Боспора и политических неурядиц середины III столетия и не пережило потрясений, связанных с событиями времени Митридата. Точнее высказаться о причинах прекращения его жизнедеятельности мы пока не можем.

Вернёмся к поселению **Тамань I**. В период с середины I в. до н.э. по середину I в. н.э. наблюдается сильное сокращение археологического материала. К этому времени относятся только 2.8% находок. Появляются характерные фрагменты краснолаковой посуды и светлоглиняных амфор с двуствольными ручками. Это говорит о том, что если жизнь на поселении и продолжалась, то население было крайне немногочисленным. Этот факт хорошо иллюстрирует исторический процесс, связанный с целым рядом факторов данного периода – восстание Савмака, Диофантова война, война Неоптолема против сарматов и сатархов, борьба Митридата против Махара и Фарнака [17, с. 270].

Обратимся теперь к Фонталовскому полуострову. В рассматриваемый период здесь воз-

никают укрепленные поселения – так называемые «**батарейки**». Изучением их хронологии и эволюции последние несколько лет занимается А.В. Бонин [18, с. 46–51, 19, с. 73–78]. Изложим коротко основную информацию о нескольких поселениях этого типа.

Прежде всего А.В. Бонин отмечает, что жизнедеятельность на большинстве этих памятников имела место и за периметром укреплений, о чём говорят и сами их размеры.

Рассмотрим поселение **Батарейка 1**. Основные этапы его изучения связаны с именами Н.И. Сокольского и Я.М. Паромова. Первый изначально полагал, что площадь памятника не превышает 3.75 га. Однако при повторном обследовании после плантажной распашки он оценил её в 28 га. Я.М. Паромов, проанализировав данные аэрофотосъёмки и распространение подъёмного материала, предположил, что площадь поселения может достигать 84 га. Точно так же с течением времени менялась и точка зрения на его датировку. Н.И. Сокольский по результатам работ 1960 г. фиксировал здесь преобладание позднеантичной керамики (III–IV вв. н.э.), а также фрагменты сосудов I–II вв. н.э. и «средневековых» амфор. Повторный осмотр памятника после распашки позволил выявить те же хронологические периоды, но с другим количественным соотношением. Наиболее многочисленным был материал I–II вв. н.э., следующим по количеству III–IV вв. н.э. и минимальным – средневековый. Я.М. Паромов, отметив то же преобладание материала римского времени, зафиксировал около 30% находок классической и эллинистической эпохи. Помимо разведывательных работ Н.И. Сокольским были заложены небольшие раскопы на поселении. Ими были выявлены находки с I в. до н.э. по III в. н.э.

Поселение **Батарейка 2** исследовано в меньшей степени, так как его значительная часть находится под современной застройкой. Я.М. Паромов определил площадь незастроенной части в 21.3 га. Исходя из топографического контекста, можно предположить, что площадь всего поселения могла достигать 58 га. При первоначальном сборе подъёмного материала Н.И. Сокольским на памятнике отмечалось преобладание сосудов III–IV вв. н.э. при незначительном количестве материала I в. н.э. Более позднее обследование и сборы Я.М. Паромова выявили несколько другую картину: при преобладании находок позднеантичного времени, 20% материала приходилось на эллинистическую эпоху и около 25% на находки римского времени. Минимальное же число относилось к рубежу эр.

Городище **Горкуша 1** (Патрей) изучено наилучшим образом среди памятников этого типа. Основная информация по нему была систематизирована Я.М. Паромовым. Согласно ему, укрепления на поселении возникли, вероятно, в начале н.э. и существовали до IV в. н.э. При этом укрепленное поселение возникло несколько в стороне от центра заселения в эллинистическую эпоху. Основное число построек относилось к II–III вв. н.э., периоду, соответствующему, вероятно, расцвету жизни на поселении, площадь укрепленной части которого была не менее 10–15 га, а размеры всего памятника оценивались Я.М. Паромовым в 50.5 га.

Ильичёвское городище (Ильич 1) исследовалось Д.Б. Шеловым, Н.И. Сокольским и Э.Я. Николаевой. Первый исследователь оценивал его размеры в 12 га. Н.И. Сокольский «расширил» их до 16 га. Я.М. Паромов предположил, что размеры памятника составляют 42 га. На территории поселения был найден материал эллинистического времени, но его было немного по сравнению с более поздним. Результаты раскопок Д.Б. Шелова показали, что слой римского времени на поселении залегал непосредственно на материке. Среди находок встречалась краснолаковая посуда I в. до н.э. – III в. н.э., узкогорлые светлоглиняные амфоры I–II вв. н.э. и красноглиняные амфоры III–IV вв. н.э. Таким образом, очевидно, что расцвет и этого поселения пришёлся на римское время.

Площадь ещё одной, **Каменной батарейки** оценивалась Н.И. Сокольским в 15 га. Я.М. Паромов полагал, что она значительно больше и достигает 46.5 га. Подъёмный материал собирался на памятнике несколько раз. Н.И. Сокольский фиксировал здесь преобладание находок римского и позднеантичного времени. Исследователь находил здесь красноглиняные, широкогорлые амфоры III–IV вв. н.э., оранжевоглиняные амфоры с треугольным в сечении венцом и рельефными ручками II–III вв. н.э., светлоглиняные узкогорлые амфоры I–IV вв. до н.э. и позднесинопские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э.

Небольшие раскопки, заложенные здесь Т.Г. Шавыриной, выявили следующую стратиграфическую ситуацию: культурный слой, проявляющийся на расстоянии до 600 м от укреплений и достигающий мощности 1.3 м, содержал находки от позднеэллинистического до позднеантичного времени. При этом выявленные постройки относились к римскому периоду.

Неукрепленная территория поселения **Красноармейский 1** является наиболее обширной среди рассматриваемых памятников. Н.И. Сокольский оценивал площадь поселения в 20 га, Я.М. Паромов – в 80 га. Подъёмный материал

собирался здесь дважды. Н.И. Сокольский выделял находки I в. до н.э. – I в. н.э., III–IV вв. н.э. и средневековые. Я.М. Паромов «добавил» к этим группам находки классического и эллинистического времени, которых было не менее половины. Около 30% – относилось к III–IV вв. н.э. а их минимальное число к I в. до н.э. – I в. н.э.

В разное время городище раскапывалось Н.И. Сокольским, Ю.М. Десятчиковым, М.В. Калашниковым. Результаты показали, что во II в. н.э. укрепления были разрушены. Был также выявлен комплекс строений, расположенных к востоку от укрепленной части памятника, датирующийся II – серединой III в. н.э., то есть периодом, следующим за разрушением укреплений. Стратиграфия свидетельствовала, что эти строения возникли на слое разрушений, следовательно, параллельно с укреплениями пострадал и «посад» (что логично).

Таким образом, проанализировав ситуационную и хронологическую картину на нескольких «батареях» (в работе автора их больше, мы рассматриваем только самые представительные), А.В. Бонин пришёл к ряду выводов. Как мы говорили выше, вокруг укреплений практически во всех случаях фиксируются культурный слой и постройки. При этом эти незащищённые территории имеют ряд общих черт. Эллинистическая керамика прослеживается почти повсеместно, но соответствующие слои и строительные остатки отсутствуют. Слои же римского времени лежат непосредственно на материке. Выявленные постройки на «батареях» относятся ко времени не ранее середины I в. н.э., а по большей части они ещё позднее: II–III вв. н.э. Очевидно, что период интенсивного развития этих памятников пришёлся на римское время. При этом они могли возникнуть на месте или рядом с эллинистическими поселениями. Отметим крайне небольшое число находок второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Очевидно, что этот период соответствует резкому сокращению активности на поселениях, и последующее возрождение происходит как бы с «чистого листа» – ранние постройки нивелируются. Расцвет поселений пришёлся на вторую половину I в. н.э. и продолжался примерно до середины III в. н.э. Даже временное разрушение «батареек» в начале – первой половине II в. н.э. не повлияло на этот процесс.

Явления, связанные с упадком на рубеже веков и началом возрождения со второй половины I в. до н.э., были проанализированы в статье Г.П. Гарбузова и А.А. Завойкина [12, с. 94–135]. По мнению авторов, переустройство на Фонта-

ловском полуострове, в частности появление «батареек», маркирующих особый район, ведущий к столичной области, связано с изменением самой структуры государства, в связи с его вхождением в державу Митридата. В этом они согласны с С.Ю. Сапрыкиным, который полагал, что организация сельской территории, осуществляемая таким образом, что подвластные монархам крепости контролировали окрестные территории и несли охранную и сторожевую службу, была присуща Понтийскому царству. Возникновение же «батареек» связано не столько с угрозой внешней агрессии, сколько с внутренним переустройством самого Боспора. Проведя анализ археологического материала с разных памятников, Г.П. Гарбузов и А.А. Завойкин пришли к выводу, что в конце эпохи Спартокидов численность поселений сокращается где-то на 10%. В эпоху же Митридата их число вообще уменьшается в 3–4 раза, а при его преемниках несколько возрастает за счёт возникновения новых и продолжения жизнедеятельности на старых поселениях после перерыва. Если при Спартокидах вся территория Азиатского Боспора была более-менее густо заселена, то при Митридате образуются пустующие зоны в окрестностях Гермонассы, к востоку от Фанагории, и области на севере Фонталовского полуострова, примыкающие к проливу. Следует отметить, что немногочисленные поселения, возникшие в эпоху Митридата, появлялись, как правило, на традиционных участках расселения. То есть какая-то преемственность всё-таки сохранялась. Новшеством же стало возникновение укрепленных поселений. Появление «батареек» в конце I в. до н.э. на Фонталовском полуострове связано, по мнению авторов, уже с деятельностью Аспурга. Это явление сопутствовало, по видимому, изменению формы земельной собственности и установлению царского землевладения. Данный процесс прослеживается и на картине размежевания территории – на некоторых бывших земельных владениях возникают дороги. При этом очевидно, что и полисное землевладение не было полностью изжито.

Вышеизложенную ситуацию авторы делят на два этапа исторических перемен. Первый связан с периодом конца II в. до н.э. – 47–46 гг. до н.э. и приходом к власти Митридата. По мнению ряда исследователей, Боспор становится в это время собственно эллинистическим государством: появляются элементы командно-административной системы в организации сельской территории. Второй связан с деятельностью Асандра, который продолжает мероприятия по укреплению царского землевладения и созданию укрепленных поселений. Впрочем,

результат этой политики в рассматриваемом регионе виден уже при Аспурге.

При этом наблюдаемый на рубеже веков упадок на сельской территории нельзя связывать только с политикой Митридата. По сообщению Страбона известно, что он получал от Боспора 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра. Вряд ли такая результативная хозяйственная деятельность могла обеспечиваться только военными поселенцами при потере земель традиционными землевладельцами. С другой стороны, известно, что восстание фанагорийцев против Митридата поддержали все полисы и слои населения. Вероятно, наблюдаемые процессы были вызваны множеством причин политического, экономического и военного характера.

Наконец, вновь вернёмся к поселению **Тамань 1**. Вышеописанная ситуация отражается на нём некоторым увеличением числа материала в период со 2-й половины I по III в. н.э. Число находок этого времени составляет 8,8%. Оговоримся, что восточная часть памятника, где в основном выявлялся данный материал, частично была перекрыта современными постройками. Реальное число находок этого времени могло быть и большим. Они были представлены краснолаковой посудой и характерными видами амфор. Среди них – светлоглиняные узкогорлые амфоры типа С и D по Д.Б. Шелову (было найдено пять и две ручки соответственно). Амфоры типа 74 по И.Б. Зеест представлены фрагментом горла и венчиком; типа 96–97 – фрагментом горла; типа 75 – двумя ручками и венчиком. Кроме того, были найдены четыре ручки и три ножки так называемых красноглиняных амфор, две ручки красноглиняных широкогорлых амфор и две ручки розовоглиняных амфор.

Распределение этого материала, как было сказано выше, приходилось на восточную часть памятника. Эта территория была «охвачена» материалом классического и эллинистического времени, но была значительно удалена от прибрежных архаических построек. Можно предположить, что в период возрождения жизнедеятельности на поселении здесь возник какой-то новый центр расселения.

Таким образом, мы рассмотрели отдельные процессы хронологии и эволюции на нескольких сельских поселениях Боспора эпохи эллинизма – римского времени. Были «взяты» поселения разной датировки, типа и географического положения. Тем не менее на основании этой «случайной» выборки выявилась некоторая синхронность и последовательность в их эволюции. В данном случае это может иллюстри-

ровать некую общность в развитии сельской территории Боспора при всей разности политической, экономической и природной ситуации на двух берегах пролива.

Автор выражает благодарность участникам проекта А.В. Бонину и Н.Ю. Требухиной, а также А.А. Масленникову за консультационную помощь.

Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 13-31-01280 – конкурс поддержки молодых учёных 2013 г. (а2) «Хронология и эволюция сельских поселений Боспора эпохи эллинизма – римского времени».

Список сокращений

В тексте употребляются следующие сокращения:
 АЭ – археологическая экспедиция;
 БС – Боспорский сборник;
 ДБ – Древности Боспора;
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии;
 ИИМК – Институт истории материальной культуры;
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь;
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

Список литературы

1. Гайдукевич Г.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949. 624 с.
2. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. 300 с.
3. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. 299 с.
4. Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. Вып. 56. Симферополь. 1914. С. 1–75.
5. Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. № 56. Петроград. 1919. С. 39–60.
6. Блаватский В.Д. Четвёртый год раскопок в Синдике // КСИИМК. Вып. 70. Л., 1957. С. 118–130.
7. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. 1018 с.
8. Горлов Ю.В., Поротов А.В., Требелева Г.В. Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // ДБ. Вып. 9. М., 2006. С. 67–77.
9. Супренков А.А. Охранные разведки на поселении Тамань 1 в 2011 г. // ДБ. Вып. 16. М., 2012. С. 419–440.
10. Абрамов А.П. Античные амфоры, периодизация и хронология // БС. № 3. М., 1993. С. 4–136.
11. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 178 с., 40 табл.
12. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. Вып. 18. М., 2015. С. 94–135.

13. Кругликова И.Т. Поселение Золотое Восточное // КСИИМК. Вып. 70. 1957. С. 130–138.

14. Супренков А.А. Особенности формирования сакрального пространства на укрепленных сельских поселениях Восточного Крыма эпохи позднего эллинизма (на примере городища Золотое Восточное) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции. 2013. СПб. С. 243–248.

15. Супренков А.А. К хронологии восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 386–392.

16. Супренков А.А. Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010–2013 гг.) // ДБ. Вып. 18. М., 2014. С. 376–397.

17. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. 345 с.

18. Бонин А.В. Таманские батарежки: датирующий материал и хронология // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 46–51.

19. Бонин А.В. Неукрепленные «батарежки» // Древности Боспора. Вып. 18. М., 2014. С. 73–88.

CHRONOLOGY AND EVOLUTION OF RURAL SETTLEMENTS OF BOSPORUS IN THE HELLENISTIC PERIOD AND ROMAN TIMES (BASED ON THE LATEST STUDIES)

A.A. Suprenkov

This article summarizes the work of the research group on the subject «Chronology and evolution of rural settlements of Bosphorus in the Hellenistic period and Roman times». The study included several known settlements of this period located in the Eastern Crimea, the Taman peninsula and the Fontalovsky peninsula. An analysis was conducted of changes in life activities in these settlements taking into account the latest dating of archaeological materials and field data over recent years, including field research performed by the author. An attempt was made to identify common features and synchronicity of processes on the rural territory of Bosphorus in the context of historical events in settlements of different types, dating and geographical location. The study also draws upon some previously unpublished research data about the Eastern Crimea.

Keywords: Bosphoran Kingdom, Hellenism, Roman times, archaeological studies, chronology, rural settlements.

References

- Gajdukevich G.F. Bosporskoe carstvo. M. – L., 1949. 624 s.
- Kruglikova I.T. Sel'skoe hozyajstvo Bospora. M., 1975. 300 s.
- Maslennikov A.A. Ehllinskaya hora na krayu Oj-kumeny. M., 1998. 299 s.
- Shkorpil V.V. Otchyt o raskopkah v g. Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1911 g. // IAK. Vyp. 56. Simferopol'. 1914. S. 1–75.
- Sokolov V.V. Karta drevnih poselenij i mogil'nikov v rajone stanicy Tamanskoj // ITUAK. № 56. Petrograd. 1919. S. 39–60.
- Blavatskij V.D. Chetvyortyj god raskopok v Sindiki // KSIIMK. Vyp. 70. L., 1957. S. 118–130.
- Paromov Ya.M. Arheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova. M., 1992. 1018 s.
- Gorlov Yu.V., Porotov A.V., Trebeleva G.V. Yugo-zapadnoe poberezh'e Tamanskogo poluostrova v antichnuyu ehpoхu // ДБ. Vyp. 9. M., 2006. S. 67–77.
- Suprenkov A.A. Ohrannye razvedki na poselenii Taman' 1 v 2011 g. // ДБ. Vyp. 16. M., 2012. S. 419–440.
- Abramov A.P. Antichnye amfory, periodizaciya i hronologiya // BS. № 3. M., 1993. S. 4–136.
- Anohin V.A. Monetnoe delo Bospora. Kiev, 1986. 178 s., 40 tabl.
- Garbuzov G.P., Zavojkin A.A. Sel'skaya territoriya Tamanskogo poluostrova posle Spartokidov // ДБ. Vyp. 18. M., 2015. S. 94–135.
- Kruglikova I.T. Poselenie Zolotoe Vostochnoe // KSIIMK. Vyp. 70. 1957. S. 130–138.
- Suprenkov A.A. Osobennosti formirovaniya sakral'nogo prostranstva na ukreplyonnyh sel'skih poseleniyah Vostochnogo Kryma ehpoхи pozdnego ehllinizma (na primere gorodishcha Zolotoe Vostochnoe) // Bosporskij fenomen. Greki i varvary na Evrazijskom perekryostke: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2013. SPb. S. 243–248.
- Suprenkov A.A. K hronologii vostochnoj chasti ehllinisticheskogo gorodishcha Syuyurtash v Krymskom Priazov'e // XV Bosporskije chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy hronologii. Kerch', 2014. S. 386–392.
- Suprenkov A.A. Naznachenie i hronologiya postroek severo-vostochnoj chasti ehllinisticheskogo gorodishcha Syuyurtash v Krymskom Priazov'e (po rezul'tatam rabot VKAEh v 2010–2013 gg.) // ДБ. Vyp. 18. M., 2014. S. 376–397.
- Saprykin S.Yu. Pontijskoe carstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. M., 1996. 345 s.
- Bonin A.V. Tamanskije batarejki: datiruyushchij material i hronologiya // XV Bosporskije chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy hronologii. Kerch', 2014. S. 46–51.
- Bonin A.V. Neukrepyonnyye «batarejki» // Drevnosti Bospora. Vyp. 18. M., 2014. S. 73–88.